

М. Ф. Ершов

**Особенности восприятия Ирбитской ярмарки
и поведение её участников в XIX – начале XX вв.**

Аннотация. Предметом исследования в данной публикации выступают социокультурные отношения, которые формировались в ходе проведения дореволюционной ярмарки. Основной целью исторического анализа стало рассмотрение на примере дореволюционного Ирбита особенностей поведения и менталитета участников ярмарочной торговли, имеющих генетические связи с традиционной культурой. К числу поставленных задач относится выявление того, как именно ярмарочные условия периферийного Ирбита, удаленного от привычных внешних дисциплинирующих практик, содействовали раскрытию сохранившегося у индивида прежнего культурного наследия. По мнению автора, поведение торговцев во многом определялось теми стереотипами, которые господствовали ранее, но затем были скрыты позднейшими культурными напластованиями. Актуальность данной проблемы связана с начавшимся антропологическим поворотом в гуманитарных науках. Новизна статьи заключается в раскрытии качественных трансформаций сакрально маркированных латентных компонентов традиционной культуры в быстро меняющемся калейдоскопе рыночных условий кратковременного конкретного ярмарочного социума. Достигнутые результаты могут быть использованы в академических исследованиях, в преподавании истории, антропологии, в краеведческой работе.

Ключевые слова: город, Ирбит, маргинал, менталитет, миф, образ, торговля, традиционная культура, экономическая антропология, ярмарка.

M. F. Ershov

**Features of appreciation of the Irbit Fair and the behavior of its participants in
the XIX – early XX centuries**

Abstract. The subjects of the study in this publication are the socio-cultural relations that were formed during a holding of the pre-revolutionary fair. The main purpose of the historical analysis was studying on the example of pre-revolutionary Irbit features of the behavior and mentality of the participants of the Fair trade, having a genetic connection with traditional culture. The purpose of this article is the identification of how fair conditions of peripheral Irbit, distant from the usual external disciplining practices, contributed to the disclosure of old cultural heritage preserved by an individual. According to the author, the behavior of traders was determined by those stereotypes which were dominated formerly, but then they were covered by later cultural layers.

The relevance of this problem is connected with the beginning of anthropological turn in the Humanities. The novelty of the article consists in disclosure of qualitative transformations of sacral marked latent components of traditional culture in a rapidly changing kaleidoscope of market conditions of short-term concrete fair society. The achieved results can be used in academic researches, in teaching of history, anthropology, in local history work.

Key words: town, Irbit, marginal, mentality, the myth, character, trading, traditional culture, economic anthropology, fair.

Ирбитская ярмарка, с её оборотами в десятки миллионов рублей, была одной из крупнейших в дореволюционной России. В сфере экономики она выступала как ведущий компонент общероссийского рынка по обмену товаров между Европейским и Азиатским территориальными массивами. Изу-

чение Ирбита и специфики его культуры способно содействовать углубленному пониманию скрытых торговых механизмов. Дело в том, что долгое время рынок и его институты воспринимались исследователями узко рационально. Впоследствии в среде научного сообщества начался пересмотр

данной излишне схематичной позиции. Постепенно зародилось и оформилось новое междисциплинарное направление, учитывающее культурную специфику участников торгового обмена – экономическая антропология. Так, например, в 1989 г. американский антрополог Митчелл Абофалия написал книгу «Рынки как культуры». На основании этнографических исследований Уолл-стрита он показал, что здесь не только осуществляются продажи, но и формируются внешне неявные правила и роли, идентичности и статусные иерархии [1].

Для отечественных историков особенно интересно изучение латентных компонентов культуры, некогда существовавших в местах большой концентрации торгующих – на ярмарках. Соответственно, цель настоящей публикации состоит в предварительном исследовании Ирбитской ярмарки для выявления особенностей поведения и менталитета её участников, имеющих генетические связи с традиционной культурой. Недостаток архивных исторических источников по изучаемой проблеме определил вынужденное обращение к путевым очеркам, мемуарным, и краеведческим текстам. Данная работа является продолжением ряда наших прежних публикаций о культуре и предпринимательстве Зауралья [2, 3].

Прежде чем анализировать собственно Ирбит, необходимо кратко остановиться на образе ярмарки в традиционной культуре русского и отчасти аборигенного населения Сибири. Нет сомнения, что здесь отложились особенности менталитета, существовавшие издавна, еще до формирования общества с жесткой сословной иерархией. Последующие наслоения официальной культуры скрыли древнюю основу, но уничтожить её не смогли; она периодически прорывалась «наверх». Явными такие «прорывы» становились на местах, где культурная традиция смыкалась с экономической необходимостью – на ярмарках и торжках. Занимаясь обменом материальных благ, эти пункты временной торговли были, одновременно, своеобразными проявлениями латентных культурных стереотипов. На их территории торговое действие существовало обособленно от обыденной жизни.

Связано это было с оценкой торговли, как исключительного занятия.

Такая оценка возникла во время господства натурального хозяйства и коренилась в особенностях мировосприятия патриархального крестьянства. При этом значительная часть купечества и мещанства, относясь к выходцам из крестьянской среды, во многом сохраняла прежние культурные устои. Сельскохозяйственный календарь, сложившийся в течение веков, требовал упорного повседневного труда, но в промежутках между различными циклами работ появлялись возможности «выключения» из обыденной жизни и хозяйственной деятельности, дни отдыха, праздников. Все они имели сакральное значение (язычество и его последующий синтез с христианством), и обставлялись соответствующими ритуалами, допускавшими отказ от этнических норм, соблюдавшихся в иной обстановке. Народное утверждение гласило: «Мы целый год трудимся для праздника» [4, 140–145].

Ярмарка была не единственным местом, где существовала освященная традицией возможность выхода за пределы обыденного. Такой же функцией был наделен и кабак. По данным М. М. Громыко, крестьянское общественное мнение считало, в ряде случаев, допустимой драку на базаре или в кабаке [5, 94]. Подобная же ситуация, видимо, была при остановках в городах больших торговых обозов. «Сельская полиция маленьких городков была в руках обозных, приезд их для полиции бывал праздником: всех напоят, все пьяны», – свидетельствовал Н. В. Шелгунов [6, 357–358]. Заметим, что в данном случае речь идет не о подчиненности, а об отношениях партнерства: хозяева мест терпели выходки приезжих не в силу своей робости, а исходя из выгод и неписаных обычаев. Соответственно, для патриархального человека контакты с торговцами издавна означали нечто исключительное, ситуационное праздничное поведение.

Психологическая атмосфера, существующая на таких праздниках, не являлась абсолютным отрицанием повседневности, скорее, её можно оценить как пародию, гротеск. «Вот едут гигантские сани на восьми лошадях. Сани покрыты коврами, в санях толпа ликующего народа, иногда с бутыл-

ками и стаканами в руках... Все поют, кричат и громко перекликаются со знакомыми своими в окружающей их толпе», – так описывал Е. Вердеревский ярмарку в Ирбите. И далее: «Или вот ещё везут какую-то подвижную каланчу. Из саней высится мачта, с флагами и лентами, на верху сидит пац в шутовском наряде и кривляется на диво бегущей позади пёстрой толпы...» [7, 10]. Подобные же гигантские сани с музыкантами, разъезжающие на Масленицу отмечались современниками и в других городах. В частности, в Кургане, их видел декабрист А. Е. Розен [8, 297]. Можно предположить, что непропорционально-громоздкое транспортное средство, удивляющее окружающих, здесь пародировало дальние торговые поездки купцов и служебные командировки чиновников. Траты времени и устрашающие расстояния «переплавлялись» на праздниках в шутовские габариты, вызывали смех, ненадолго переставали беспокоить.

Празднование вовсе не означало бездельности или критичного самокопания. Наоборот, обычный человек, получив возможность «выдать» ранее потаенные личные свидетельства, тотчас забывал о них. Он сразу же растворял только что обретенную волю в благожелательно настроенной ярмарочной толпе и активно отдавался существованию в этом потоке. Ярмарка, изначально лишённая статичности, хотя и очерченная пространственно и хронологически, оказывалась не только местом торговли, но и полем психологических взаимодействий её участников, благодаря их раскрепощённости. Присутствующие на празднике, обладая освященными обычаями негласными санкциями на выход из повседневности, все-таки вели себя исходя из определенных схем, образов, которые могли неоднократно меняться; у их владельцев происходило «чередование масок».

Этому во многом способствовали атмосфера праздника и унификация, нерасчлённость обязанностей его участников. «С утра до вечера все было в движении: почти каждый продавец был вместе и покупатель. По сторонам и по углам стояли шалаши с самоварами, со сбитнем, с пряниками и закусками, возле шалашей острили балагуры, мальчишки играли на гармошке, разносчики

толкались взад и вперед с коробками и лотками. Один продавал кожаные панталоны, коих несколько пар висели у него на плечах, но, чтобы больше прельстить покупателей, то каждый раз надевал на себя продажную пару желтых лоснящихся панталон, шагал в них, подпрыгивал, выхвалял их доброту и преуспешно и скоро сбывал свой товар. Лавки с красным товаром были осажены женщинами, которые выбирали для себя ситцы, платки и ленты», – свидетельствует А. Е. Розен [8, 292]. Его описание ярмарочного Кургана передает дух праздника, театра на площади, флера мгновенно разыгрываемых массовых представлений и перевоплощений, где каждый зритель – участник.

По данным А. Н. Зырянова о крестьянах, живущих промыслами, земляческая солидарность и корпоративные интересы, – а они часто бывали слиты, поскольку села специализировались на выпуске определенного товара, – равно, как и их верность данному слову, нисколько не препятствовали похвальному в ярмарочных условиях стремлению обобщить ближнего: «не разевай рот, здесь ведь не дома, а на ярмарке: всякий приехал нажить, а не прожить» [9, 25]. Интерес к подобным, даваемым уже после заключения сделки советам, лежит вне материальной сферы: и обманувший и обманутый с разных сторон испытывают жажду игровых ситуаций, смеха, имеют потребность в том, что М. М. Бахтин емко назвал «веселым временем» [10, 238]. Элементы народного гуляния, при котором все находится в схожем положении и все действуют, иногда привносились населением и в не предназначенные для этого мероприятия.

Приезжие привносили на Ирбитскую ярмарку неписанные нормы «весёлого времени», праздника, резко отличного от обыденности. Их загулы, близкие к патриархальной культуре, органично сосуществовали с трезвыми расчетами при заключении крупнейших сделок. Таким образом, ярмарка, сделав Ирбит городом, одновременно изукрасила его фасады красками уходящей культуры. С 40-х гг. XIX в. на Ирбитской ярмарке гастролировала театральная труппа А. П. Соколова, и на её гастролях, и позднее, подвыпившие зрители нередко вмешивались в ход представления. Инкор-

порация норм и ценностей индустриального общества осуществлялась путем сложных переплетений старого и нового, местного и заимствованного. В этом плавильном котле культурные значения отдельных компонентов со временем могли меняться с точностью «до наоборот». Примечательна реплика образованного предпринимателя Губкина, обращенная к известному театральному актеру В. Н. Давыдову, шокированному поведением разгульных купцов на ярмарке: «Вы не обращайте внимания на этих и не судите о купечестве по этим выродкам. Это уходящие. Таких теперь уже немного осталось!» [11, 365].

Центрами кристаллизации, вокруг которых постепенно складывались ярмарочные структуры, часто оказывались церкви. «Почти все ярмарки и торжки образовались в дни приходских церковных праздников и в эти сроки утверждены впоследствии правительством. Окрестные жители обыкновенно собирались к приходскому празднику в какое-либо село или слободу, обычай этот год от году укоренялся более и более, при большом сборище народа обыкновенно производилась торговля сначала съестными припасами и лакомствами, а потом, расширяясь, мало-помалу переходила в торжок, который в свою очередь, увеличиваясь год от году, образовывал ярмарку, иногда довольно значительную», – писал В. Ильин в середине XIX в. [12, 401–402].

В конечном итоге на ярмарках и торжках складывался особый культурный мир, глубинные структуры которого были малопроницаемы для исследований посторонними наблюдателями, хотя, вроде бы, и внешне открытый. Так, например, буйные выходки купцов, их оргии, скорее всего, свидетельствовали о сохранявшихся чертах древнего крестьянского праздника, которые все более профанировались, переводились в иную плоскость. И неудивительно, что описывая еще одну ярмарку – Крестовскую, с «отвратительными сценами, действующими лицами которых бывают пьяные, предающиеся по случаю удачной торговли, грубым чувственным удовольствиям купцы и развратные женщины», – А. Серафимов жалел об оскорбленной церковной святине [13, 348]. Однако разрушение касалось в

основном не внешней христианской святости, – обряды, хотя часто и формально, но проводились, – а более глубокой, скрытой, языческой.

Уже утратившая свои атрибуты, неосознаваемая самими участниками, она постепенно распадалась под действием новых веяний, превращалась в заурядный разврат и средство наживы. Так Ирбитская ярмарка обычно проводилась во время Масленицы. Главный персонаж этого праздника параллельно олицетворял и плодородие, и смерть, как противоположность жизни. Не случайно, что в конце праздника Масленицу хоронили или разрывали на части [14]. «Весьма кстати Ирбитская ярмарка часто бывает во время масляницы, как это случилось и в нынешнем году. Это делает и масляницу гораздо веселее и ярмарку гораздо шумнее» – замечал С. Черепанов, побывавший на ярмарке в 1856 г. [15, 81]. Известно, что по традиции молодожены посещали ярмарки, особенно в масляницу [16, 251–256]. Их прибытие вносило радостное оживление, считалось хорошей приметой для будущего урожая. На масленице были допустимы и желательны фривольные поступки, символически содействующие плодородию земли. Иную, изнаночную сторону масленичных гуляний в Ирбите описывает в своих записях безвестная девушка из публичного дома: «Работа! Слово-то какое... Едут пьяные, едут озорные, Мужики из деревни с оглядкой, крадучись от знакомых, купцы с шумом, форсом...» [17, 120].

Нечто подобное происходило и с древним ритуалом опьянения – он также утрачивал свои первоначальные черты, становился обычным средством фиксации значительных событий, примитивным способом снятия негативных эмоций, неизбежных при заключении сделок, проявлением бескультурья. «Кончилась ярмарка и Тит Титыч, говорят, уже «разрешил», если ярмарка была хороша – с радости, если дурна – с горя. Оборвался, промотался, обанкротился купец – значит, фортуна изменила, и он «разрешает» и ничем тогда не остановить его самодурства, ничем нельзя вразумить его», – писал В. О. Португалов [18, 55–56]. Высказывания Португалова были типичны для большинства прогрессивно мыслящей интеллигенции середины XIX в. Они не

противоречили истине – врач во время политической ссылки хорошо познакомился с Уралом и Зауральем – но грешили односторонностью, превосходством человека европейской культуры.

С возрастанием у ярмарки экономического веса христианские ритуалы постепенно перестали играть определяющую роль. Со временем все свелось к формальным обрядам. Начало ярмарки в Ирбите ограничивалось молебном и поднятием флага над Гостиным двором. По давней традиции все взоры устремлялись к высокой мачте. Согласно поверью, если флаг пойдет по ветру сразу – ярмарка будет крутая, бойкая. Если запутается – торг пойдет вялый. Развернется на восток – сибиряков ждет удача [19, 15; 17, 16]. В ярмарочном действе скрытые мистические персонажи всё более вытеснялись вполне конкретными торговцами. Однако смене главных действующих лиц не могла одновременно соответствовать смена одного типа поведения другим, поскольку психические процессы обладают определенной самостоятельностью.

Участники торговли хорошо осознавали свои интересы, но на бытовом уровне их поведение по-прежнему продолжало структурироваться под воздействием прежних культурных традиций. Здесь можно заметить, что, по мнению Ю. М. Лотмана, сфера поведения делится на два типа (семиотически маркированный и нейтральный), причем последний «усваивается как родной язык не через правила и наставления, а непосредственно» [20, 294]. Устойчивости привычного бытового поведения содействовало существование разрыва между дворянской культурой и культурой крестьянства, а также близких к нему слоев населения. В осваиваемых регионах (Зауралье и Сибирь) позиции патриархальной культуры были особенно прочными.

Ярмарки, помимо связи с близкими к ним крестьянскими праздниками, были также близки им своим отрицанием повседневности, игровыми ситуациями, субъективными проявлениями. Рискованные торговые сделки, совершаемые одними, закупка товаров для длительного потребления другими, извлечение выгод от обслуживания третьими – все это создавало атмосфе-

ру взвинченности, убыстрения ритма жизни. Отсутствие полноценного гостиничного сервиса, неприхотливость приезжих и ограниченность жилых помещений создавали большую скученность, множество неудобств. Но фиксируемые образованными современниками плохие условия временного проживания мало замечались основной массой приезжих, несмотря на то, что торговлей занималась наиболее состоятельная часть населения. Помимо неразвитых потребностей и дефицита наличных денег, существованию сервиса мешали и психологические барьеры.

Всевозможные проблемы и даже скрытые угрозы, по представлениям людей того времени, могли быть минимизированы, если сам человек был фартовым, не боялся рисковать. Цепь удач свидетельствовала о расположении к индивиду представителей сакрального мира. Удачи же, параллельно, содействовали росту социальной значимости со стороны коллег-предпринимателей. Соответственно, ярмарочное действо во многом воспринималось его участниками как своеобразное показательное состязание. И начиналось это состязание еще до приезда в Ирбит. Точнее говоря, сама поездка на ярмарку уже являлась предварительной частью испытания для её участников. В повести Н. Д. Телешова «На тройках» (1895) описан дорожный азарт крупных торговцев. «Из поездки в Ирбит купцы сделали нечто вроде спорта: есть такие, что ухитряются доехать от Москвы в пять суток, есть такие, что едут шесть дней, а некоторые едут полторы недели и больше; последние, конечно, не участвуют в спорте и едут как бог на душу положит, посмеиваясь над усилиями первых – во что бы то ни стало обогнать друг друга; зато первые мчатся на тройках, не щадя ни здоровья, ни денег и с похвальбой приезжают в Ирбит» [21, 35–36].

Для таких воротил-предпринимателей вызывающее поведение на ярмарке являлось лишь продолжением их прежних дорожных приключений. Здесь они демонстрировали свои финансовые возможности, способность с шиком и выдумкой тратить большие средства. В ход шли рискованная карточная игра, изощренные выходки на грани общественной морали и нарочитый разврат. Все эти действия являлись куль-

турным дополнением к экономически оправданным торговым сделкам. Одновременно купцы, будучи руководителями ярмарочной торговли, обладали рядом деловых качеств, умением извлечь выгоду, организаторскими способностями, широтой мышления, а применительно к осваиваемым территориям Зауралья, Сибири и Казахстана еще и немалой долей смелости и строгостью поведения в повседневной жизни, так как значительная их часть принадлежала к старообрядцам.

Возникающая раздвоенность образов купцов, тем ни менее, снимается, если рассматривать ярмарку как один из элементов народной карнавальской культуры. «В купеческой среде строгой «чинности» обычного бытия противостоял не признающий преград «загул». Обязательность смены социальной маски проявлялась, в частности, в том, что если в каждодневной жизни данный член коллектива принадлежал к забытым и униженным, то, «гуляя», он должен был играть роль человека, которому «сам черт не брат», если же в обычном быте он наделен, в пределах данного коллектива, высоким авторитетом, то роль его в зеркальном мире праздника будет часто включать в себя игру в унижение», – замечал Ю. М. Лотман [22, 52].

Состязательности и ярмарочным искушениям противостояли иные качества, главным среди которых был мотив испытания внутренней силы человека. Окружающая праздничная ярмарочная суэта порождала немалое число соблазнов, каждый из которых для слабого человека мог стать роковым. Для участников ярмарки её почти языческая греховность служила своеобразным нравственным испытанием, которое не все могли выдержать. Только сохранив внутреннюю сплоченность, предельную честность и предупредительность к своим многочисленным клиентам жители Ирбита могли сохранить у себя ярмарку-кормилицу. Как показывает И. Я. Антропов в «Былях Ирбита», такие качества совершенно сознательно культивировались городским социумом у его членов. «И в пекле можно не измазаться» – эту нравственную максиму относительно ярмарки родители передавали детям [17, 112]. Большие объемы матери-

альных ценностей, с которыми соприкасались горожане, содействовали формированию идеала внутренней дисциплины, близкого к религиозному аскетизму.

Этот идеал был востребован еще и потому, что на ярмарке общепринятые смыслы меняли свои значения. Мошенник выглядел приличным человеком, честный нередко оказывался в дураках. Современники вспоминали, что проститутки на Крестовской ярмарке, рекламируя бордель, с балкона «бросали конфеты, пряники, печенье, зазывали мужчин: «Идите к нам, ваши жены (женщины) грязные» [23, 121]. В ярмарочной культуре трансформировались даже образы материальных объектов. С. Черепанов на Ирбитской ярмарке обнаружил торговую надпись «Casanskoe milo. Paris». Он же иронично упомянул некое здание, в котором, по слухам, «спирт, какую-то магическую силу превращается в произведения островов Мадеры и Тенерифа, городов Хереса и Малаги, даже провинции Шампаньи и, наконец, дает несколько ящиков лучшего неподдельного ямайского рома» [15, 81–82]. По данным писателя Н. Телешева, в конце XIX в. на Ирбитской ярмарке производились «собственные» виноградные вина. Широкой известностью пользовалось «фаяльское» вино, в просторечии именуемое «русский мордоворот»... [21, 73–74].

Уезжая по торговым делам, человек субъективно расставался не только с домом, но и со своим социальным статусом, так как границы его фактической значимости в общественных взаимоотношениях при недостаточной развитости рыночных связей, в целом, были узкими. Попадание в иной, во многом противоположный обыденности мир, где права и обязанности участников в их подлинных проявлениях оказывались трудно фиксируемыми, на индивидуальном уровне приводило к тому, что человек терял юридическую и психологическую защищенность, был вынужден мириться с лишениями, которые становились привычными. Это шло как от дробной структуры сословного общества, так и от глубинной крестьянской культуры, где сфера обитания была разделена на множество секторов с различными правилами поведения [24, 217–220]. Временно теряя

принадлежащее ему, строго очерченное место, человек обретал свободу, право на партнерство, на проявление индивидуальности. Однако эти качества вне родных стен проявлялись там, где формировалась сфера общих интересов, преимущественно на ярмарках, что и отмечалось современниками [15, 81–82].

Для существования подобной пространственной отстраненности были весомые основания. В патриархальной культуре, в среде крестьян было неоднозначное отношение к торгово-предпринимательской деятельности. С одной стороны, присутствовало стремление разбогатеть, переселиться в город и избавиться от изнурительного крестьянского труда. С другой, как отмечал курганский исследователь П. А. Свищев, – труд «торговца и ростовщика (как вообще труд, не связанный с аграрной формой) не почитался крестьянами собственно «трудом». Он же, анализируя фольклор Зауралья, пришел к выводу, что по представлениям крестьян «единственным источником богатства полагался не морально санкционированный труд, а прямой обман». Крестьяне упорно связывали происхождение большинства крупных капиталов с противозаконной, греховной деятельностью: изготовлением фальшивых ассигнаций, убийствами, ограблениями [25, 17–18].

То, что в глазах сельского населения ярмарочные города являлись сосредоточием пороков, было запечатлено в фольклоре. Так, например, Ирбитская ярмарка отразилась в следующих поговорках: «Довела меня Ирбитка до последнего понитка» и «В Ирбить собак бить» – в городе после проведения ярмарки оставалось множество собак, оставших от своих хозяев. В переносном смысле «собак бить» – означало бездельничать [26, 107–109]. Известно, что в традиционной культуре мир воспринимался дискретно. Его части не были похожи одна на другую, причем все они содержали информацию, недоступную для чужаков. Именно такими чертами обладала любая ярмарка. Действие ярмарочных механизмов было скрыто для непосвященных. При периодичной торговле её участники не обладали достоверными знаниями о перспективах привоза товаров, их количества, номенклатуры и возможных ценах.

Ситуативность, порожденная условиями рынка, дополнительно усиливалась субъективными моментами в поведении торговцев. Характерными чертами ярмарки были различные виды обмана, сговоры приезжих купцов, для того чтобы сбить цену и произвол со стороны официальных должностных лиц. Особенно опасными для участников ярмарки были всевозможные скрытые угрозы. Они могли исходить со стороны маргинальных элементов и приезжего криминалитета. С. В. Максимов в книге «Сибирь и каторга» приводит рассказ уголовного И. П. Коренева о нравах Ирбита. Этот Коренев сын уездного чиновника, прошел путь от бродяги до каторжника. В подростковом возрасте, убив сверстника и скрывшись, он примкнул к нищим слепцам, поддавшись на их уговоры: «Мы, говорит, не из таких, чтобы чужих ребят стали воровать в деревнях, а кто де с охотой пойдет с нами, тому мы, коли ему золота нужно – и золота дадим. Вот теперь по заводским праздникам пойдем на осень – пирогами кормить нас станут, меду надают сотами, вином поить будут. А как де настанет зима, то в Ирбите ярмарка такая, что больше её другой и на свете нету, тогда пойдут к нам деньги, а с деньгами по здешним местам отца родного можно купить и от всех бед откупиться».

«Не отставал я от старцев до самой Ирбита – повествовал Коренев. – Прибрело тут нищей братии артелей шесть. Сшиблись так, что либо всем в одну слаживаться, либо которые уходи вон: всем будет тесно. Одну артель так и выдавили: ушла. Наша на волоску висела, потому сильнее нас деньгами была одна ближняя, тутошняя, сибирская. Пришла она раньше, дала больше, стала ярмаркой заправлять на манер старосты. Наш Верзила сладился с ней на ведре вина и чтобы петь не вместе и сидеть дальше: им обедни, нам заутрени очищать. К вечерням третьих и четвертых припускали, пятая на сибирском выезде пела. Мы в самой гуще и уселись представления наши делать. Однако выпели мы негусто: старцы считали на три, а и одного ста не вышло. Собрались назад такие сердитые, а к тому одного нашего за то, что в кабаке раму высадил – в кучумке держали. Надо было его выкупать» [27, 7–9].

С. В. Максимов, хорошо знавший отечественные реалии, дополняет слова Коре-

нева о необходимости платы за место на ярмарке описанием разговора в очерке «Нищая братия» (1875). Делец Лукьян, организовав очередную артель слепцов, торгуется с дедом Матвеем:

– А про ярмарку-то что ты думаешь? На всякую хорошую ярмарку полагается особое начальство. Оно так и почитает, что ярмарка де вся его, всякое место ему принадлежит. Затем-де его сюда и определили. А ты ему за то место, на котором хочешь сидеть заплати. Да он еще разбирает: это-де захотел хорошее – значит, давай больше, а не то, слышь, другим отдам. У меня-де это место другие слепые приторговывали [28, 109–110].

Профессиональные нищие, в изобилии стекавшиеся в места скопления людей, в какой-то мере наглядно олицетворяли ярмарочные противоречия. Участник ярмарки был активным субъектом множества отношений: торговых сделок, оказания услуг, охраны товаров, транспортных перевозок. Он же, одновременно, был «слепым» объектом манипулирования со стороны различных социальных сил. Его могли обмануть, обворовать, лишиться торговых выгод, имущества и даже здоровья и жизни. При этом всевозможные угрозы обычно были для потенциальной жертвы совершенно неожиданные и неясные. Им нередко придавалось мистическое значение. Так, по народным поверьям, замечает С. В. Максимов, не подать «слепому нищему – тяжкий грех, да и небезопасно: не проклял бы он со зла. А проклятие, в известное время (бывает такое в году не один раз), может действовать, имеет силу» [28, 124].

Заметим, что в фольклорном наследии современного кондинского краеведа О. А. Кошмановой имеется сказка «Проклятие». Сюжет её следующий: летом в деревне Кошмаки мать ругала дочь за непослушание. Фраза матери «Да будь ты проклята! Забери тебя леший!» оказалась роковой. Девочка исчезла. Когда в начале зимы отец отправился за рыбой, незнакомый путник привел его в заколдованную деревню. Именно там ему и встретила дочь. С помощью священнослужителя и «знающей» старухи родителям удалось вернуть ребенка домой и защитить её от темных сил. Но через три года дочь умерла, а её отец, будучи на Ирбитской ярмарке, вне-

запно узнал прежнего путника в обличии лавочного торговца. Итогом этой встречи, опасной для отца, стала потеря левого глаза [29, 126–128]. Инфернальный собеседник, наполовину лишив отца зрения, фактически передал ему знание отрицательного опыта общения с нечистой силой. Негативное отношение к Ирбиту в культуре обских угров сложилось далеко не случайно. Известно, что на знаменитой ярмарке коренные жители тайги с максимальной выгодой и определенным риском продавали добытую ими ценную пушнину. Однако Ирбит оценивался отрицательно не только коренными народами Севера, но и русским населением.

Существующие скрытые угрозы перевоплощались в стремление обычного человека обезопасить себя при помощи магических средств, волшебных помощников или хотя бы откупа. Нищие воспринимались современниками как посредники между различными мирами. Косвенным подтверждением, что пожертвования считались своеобразными отступными, служит одна из песен нищих, опубликованная в 1859 г. в «Тобольских губернских ведомостях»: «Родимые наши батюшки, родимые наши матушки – трудницы Господни, рабы Христовые и рабицы Господни! Подайте Христа ради от трудов своих праведных, поминаючи своих родителей во царствии небесном. Не нам подавайте, не нас награждайте: себе царствие небесное окупайте» [29, 304, 354]. Собирая средства на прокорм, нищие возвращали состоятельным жертвователям утраченный психический комфорт, выполняя, таким образом, компенсаторные функции.

У этих маргиналов было множество социальных ролей. Нищие в патриархальном социуме разносили новости, развлекали окружающих пением духовных стихов, могли быть носителями преданий. По патриархальным представлениям, у этих слепых отсутствие зрения и физическая немощь в нашем мире возмещалось не только большей, по сравнению с обычным человеком, информированностью, но и, в ряде случаев, большими сакральными возможностями, обладанием скрытых и даже невероятных способностей. Кроме мифических объяснений здесь могли присутствовать и сугубо рациональные причины. Вынужденная взаимопомощь у профессиональных

попрошак вела к созданию в их среде неформальных связей. У К. Г. Паустовского в автобиографической повести «Далекие годы» о дореволюционном детстве (1946) есть примечательный сюжет о нищих и слепцах в Белоруссии, так называемых «могилевских дедах» и их учителях – «мастерах» (мастерах). При обострении социальной напряженности их корпорация издавна выступала в качестве защитников обездоленных крестьян [30, 202–209].

Особенно много тайных дел было на ярмарке в сфере торговли. К числу правонарушений, на которые современники закрывали глаза, была продажа запрещенных товаров. К ним относились золото, краденое с приисков и опиум, поступающий из Средней Азии. «Опиум – отмечали современники, – продается в Ирбите почти явно: приходят в лавку, спрашивают черного товара. Хозяин ведет в особую комнату; и тут всё смотри как угодно. Жандармы хотя и присматривают, но, видно, мало». Далее купленный наркотик переправляли до Томска [31, 302, 306]. На ярмарке также случались факты продажи не-

совершеннолетних любителям разврата, за что виновным грозила каторга [17, 38].

Ирбит отличался многообразием своих проявлений. Ирбитская ярмарка была местом встречи различных культур. Концентрированное наложение динамичных рыночных механизмов на относительно стабильную культурную составляющую создавало временный причудливый симбиоз старого и нового, работы и праздника, морали и аморализма, язычества и христианства, чувственных удовольствий и аскетизма. В Ирбите древнее массовое сакральное действие постепенно профанировалось, перевоплощаясь в развлечения, которые непосредственно затрагивали участников ярмарки. Социальное воздействие Ирбита вынуждало индивида быть максимально активным, функциональным, даже если это и не совпадало с его основными целями. В условиях ярмарки жесткое принуждение уступало место свободному выбору тех или иных поступков. Однако приобретенная свобода, реализуемая в основном в отношениях рыночного партнерства, несла в себе помимо положительных тенденций и множество отрицательных моментов.

Литература

1. Аболафия, М. Рынки как культуры: этнографический подход [Текст] / М. Аболафия // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 2. – С. 63–72.
2. Ершов, М. Ф. Культура предпринимательства в городах Зауралья конца XVIII – начала XX вв. [Текст] / М. Ф. Ершов // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XVIII – начала XX вв. (Из истории предпринимательства) : сб. научн. ст. – Вып. 6. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2005. – С. 3–39.
3. Ершов, М. Ф. Социокультурная эволюция городов Северного Зауралья в дореволюционный период: сравнительный анализ [Текст] / М. Ф. Ершов // Вестник угроведения. – 2015. – № 4. – С. 79–90.
4. Бернштам, Т. А. Будни и праздники поведения взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) [Текст] / Т. А. Бернштам // Этнические стереотипы поведения. – Л. : Наука, 1985. – С. 120–147.
5. Громыко, М. М. Мир русской деревни [Текст] / М. М. Громыко. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 448 с.
6. Шелгунов, Н. В. Сочинения [Текст] / Н. В. Шелгунов. – Т. 1. – СПб. : Изд-во Русской книжной торговли, 1871. – 376 с.
7. Вердеревский, Е. От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма в дороги [Текст] / Е. Вердеревский. – М. : В тип. В. Готье, 1857. – 245 с.
8. Розен, А. Е. Записки декабриста [Текст] / А. Е. Розен. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 480 с.
9. Зырянов, А. Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии [Текст] / А. Е. Розен. – Шадринск : Исеть, 1997. – 88 с.
10. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит-ра, 1965. – 528 с.
11. Давыдов, В. Н. Рассказ о прошлом [Текст] / В. Н. Давыдов. – М.-Л. : Academia, 1931. – 475 с.
12. Ильин, В. О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии [Текст] / В. Ильин // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. – Тобольск : Тип. губ. правления, 1864. – С. 401–438.
13. Серафимов, А. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде [Текст] / А. Серафимов // Пермские губернские ведомости. – Часть неоф. – 1861. – № 26–27.
14. Масленица [Текст] // Мифология: иллюстрированный энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1996. – 848 с.

15. Черепанов, С. Ирбитская ярмарка (Из путевых заметок) [Текст] / С. Черепанов // Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории культуры. – Екатеринбург : Сократ, 2006. – С. 77-85.
16. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья [Текст] / В. П. Федорова. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1997. – 283 с.
17. Антропов, И. Я. Были Ирбита [Текст] / И. Я. Антропов. – Ирбит : Ирбитская тип., 1992. – 178 с.
18. Португалов, В. О. Пьянство как социальный недуг [Текст] / В. О. Португалов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1869. – № 1. – С. 43-78.
19. Смирнов, А. На орбитах Ирбита [Текст] / А. Смирнов // Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. – Екатеринбург : Сократ, 2002. – С. 6–78.
20. Лотман, Ю. М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. [Текст] / Ю. М. Лотман // Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. – М. : Наука, 1976. – С. 292-297.
21. Телешов, Н. Д. Повести. Рассказы. Легенды [Текст] / Н. Д. Телешов. – М. : Сов. Россия, 1983. – 336 с.
22. Лотман, Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) [Текст] / Ю. М. Лотман // Литературное наследие декабристов. – Л. : Наука, 1975. – С. 25-74.
23. Охалкин, Ю. Крестовско-Ивановская ярмарка [Текст] / Ю. Охалкин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2014. – 140 с.
24. Пихоя, Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала [Текст] / Р. Г. Пихоя. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. – 272 с.
25. Свищев, П. А. Собственность в представлениях зауральских крестьян второй половины XIX – начала XX века [Текст] / П. А. Свищев // Культура Зауралья: прошлое и настоящее : сб. научн. тр. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1997. – 177 с.
26. Бирюков, В. П. Урал в его живом слове: дореволюционный фольклор [Текст] / В. П. Бирюков. – Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1953. – 290 с.
27. Максимов, С. Сибирь и каторга : в 3-х ч. [Текст] / С. Максимов // Ч. 2. Виноватые и обвиненные. – СПб. : Типо-литография П. Стефанова, 1891. – 367 с.
28. Максимов, С. В. По Русской земле [Текст] / С. В. Максимов. – М. : Сов. Россия, 1989. – 528 с.
29. Кошманова, О. А. О чем помнит Конда... [Текст] / О. А. Кошманова. – Междуреченский : Междуреченская тип., 2014. – 272 с.
30. Васильева, А. М. Забытый Курган [Текст] / А. М. Васильева. – Курган : Зауралье, 1997. – 359 с.
31. Паустовский, К. Г. Повесть о жизни. Далекие годы. Беспокойная юность [Текст] / К. Г. Паустовский. – Кн. 1. – М. : Гослитиздат, 1962. – 525 с.
32. Валиханов, Ч. Ч. Собр. соч. : в 5-ти т. [Текст] / Ч. Ч. Валиханов. – Т. 4. – Алма-Ата : Глав. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1985. – 460 с.

References

1. Abolafiya M. *Rynki kak kul'tury: jetnograficheskiy podhod* [The markets as cultures: an ethnographic approach]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic sociology], 2003, vol. 4, no. 2, pp. 63–72.
2. Ershov M. F. *Kul'tura predprinimatel'stva v gorodah Zaural'ja konca XVIII – nachala XX vv.* [The culture of entrepreneurship in the towns of Zauralye in late XVIII – beginning of XX centuries]. *Problemy jekonomicheskoy i social'noj istorii Sibiri XVIII – nachala XX vv. (Iz istorii predprinimatel'stva)* [Problems of economic and social history of Siberia of the XVIII – beginning of XX centuries (From the history of entrepreneurship)], 2005, vol. 6, pp. 3–39.
3. Ershov M. F. *Sociokul'turnaja jevoljucija gorodov Severnogo Zaural'ja v dorevoljucionnyj period: sravnitel'nyj analiz* [Socio-cultural evolution of the towns of the Northern Zauralye in the pre-revolutionary period: comparative analysis]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric studies], 2015, no 4, pp. 79–90.
4. Bernshtam T. A. *Budni i prazdniki povedenija vzroslyh v russkoj krest'janskoj srede (XIX – nachalo XX v.)* [Weekdays and holidays of the behavior of adults in Russian peasant milieu (XIX – beginning of XX centuries)]. *Jetnicheskie stereotipy povedenija* [Ethnic stereotypes of behavior], Leningrad: Nauka L.O. Publ., 1985. pp. 120–147.
5. Gromyko M. M. *Mir russkoj derevni* [The world of Russian village]. Moscow: Mol. Gvardija Publ., 1991. 448 p.
6. Shelgunov N. V. *Sochinenija* [The works]. Saint-Petersburg: Izd. «Russkoj knizhnoj trgovli» Publ., 1871. 376 p.

7. Verderevskiy E. *Ot Zaural'ja do Zakavkaz'ja, jumoristicheskie, sentimental'nye i prakticheskie pis'ma v dorogi* [From Zauralye to Transcaucasia, humorous, sentimental and practical writings in roads]. Moscow: V tip. V. Gotye Publ., 1857. 245 p.
8. Rozen A. E. *Zapiski dekabrista* [The notes of the Decembrist]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1984. 480 p.
9. Zyryanov A. N. *Promysly v Shadrinskom uezde Permskoj gubernii* [The crafts in Shadrinsk uyezd of Perm guberniya]. Shadrinsk: Iset Publ., 1997. 88 p.
10. Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Hudozh. lit-ra Publ., 1965. 528 p.
11. Davydov V. N. *Rasskaz o proshlom* [The story of the past]. Moscow-Leningrad: Academia Publ., 1931. 475 p.
12. Ilyin V. *O torzhkah i jarmarkah v gorodah i okrugah Tobol'skoj gubernii* [About trades and fairs in towns and districts of Tobolsk guberniya]. *Pamjatnaja knizhka dlja Tobol'skoj gubernii na 1864 g.* [Memorial book for Tobolsk guberniya on 1864]. Tobolsk: Tip. gub. Pravlenija Publ., 1864. pp. 401–438.
13. Serafimov A. *Ivanovskaja jarmarka v Shadrinskom uezde* [Ivanovsk Fair in Shadrinsk uyezd]. *Permskie gubernskie vedomosti. Chast' neof.* [Perm Gubernsky News], 1861, no. 26–27.
14. *Maslenica. Mifologija: Illjustrirovannyj jenciklopedicheskij slovar'* [The Shrovetide. Mythology: the illustrated encyclopedic dictionary]. Editor E.M. Meletinskiy. Saint-Petersburg: Fond «Leningradskaja galereja» Publ., 1996. 451 p.
15. Cherepanov S. *Irbitskaja jarmarka (Iz putevyh zametok)* [Irbit Fair (travel writings)]. *Irbit i Irbitskij kraj: Oчерki istorii kul'tury* [Irbit and Irbit kraj: the essays of the history of culture], 2006, pp. 77–85.
16. Fedorova V. P. *Svad'ba v sisteme kalendarnyh i semejnyh obyчаev staroobryadcev Juzhnogo Zaural'ja* [The wedding in the system of calendar and family customs of the old believers in South Zauralye]. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta Publ., 1997. 283 p.
17. Antropov I. Ya. *Byli Irbita* [True stories of Irbit]. Irbit: Irbitskaja tip. Publ., 1992. 178 p.
18. Portugalov V. O. *P'janstvo kak social'nyj nedug* [Drinking as a social illness]. *Arhiv sudebnoj mediciny i obshhestvennoj gigieny* [Archives of forensic medicine and social hygiene], 1869, no. 1, pp. 43–78.
19. Smirnov A. *Na orbitah Irbita* [On the orbits of Irbit]. *Uezdnye stolicy: Kul'turno-istoricheskie oчерki* [County capitals: Cultural-historical essays], 2002, pp. 6–78.
20. Lotman Yu. M. *Bytovoe povedenie i tipologija kul'tury v Rossii XVIII v.* [Everyday behavior and the typology of culture in Russia in XVIII-th century]. *Kul'turnoe nasledie Drevnej Rusi: istoki, stanovlenie, tradicii* [Cultural heritage of Ancient Rus: sources, formation, traditions], 1976, pp. 292–297.
21. Teleshov N. D. *Povesti. Rasskazy. Legendy* [Narratives. Stories. Legends]. Moscow: Sov. Rossija Publ., 1983. 336 p.
22. Lotman Yu. M. *Dekabrist v povsednevnoj zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psihologicheskaja kategorija)* [The Decembrist in daily life (Everyday behavior as a historical-psychological category)]. *Literaturnoe nasledie dekabristov* [The literary heritage of the Decembrists], 1975. pp. 25–74.
23. Okhapkin Yu. *Krestovsko-Ivanovskaja jarmarka* [Krestovsk-Ivanovsk Fair]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii Publ., 2014. 140 p.
24. Pihoya R. G. *Obshhestvenno-politicheskaja mysl' trudjashhihsja Urala* [Political thought of workers of the Urals]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1987. 272 p.
25. Svishhev P. A. *Sobstvennost' v predstavlenijah zaural'skih krest'jan vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Ownership in representations Zauralye peasants of the second half of XIX – early XX centuries]. *Kul'tura Zaural'ja: proshloe i nastojashhee. Sb. nauchn. tr.* [Culture of Zauralye: the past and the present. Collection of proceedings], 1997. 177 p.
26. Biryukov V. P. *Ural v ego zhivom slove: dorevoljucionnyj fol'klor* [Ural in its living word: pre-revolutionary folklore]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe kn. izd-vo Publ., 1953. 290 p.
27. Maksimov S. *Sibir' i katorga. V 3-h ch. Chast' vtoraja. Vinovatye i obvinennye* [Siberia and penal servitude. In 3 parts. Part 2. The culprits and the defendants]. Saint-Petersburg: Tipo-litografija P. Stefanova Publ., 1891. 367 p.
28. Maksimov S. V. *Po Russkoj zemle* [On Russian land]. Moscow: Sov. Rossija Publ., 1989. 528 p.
29. Koshmanova O. A. *O chem pomnit Konda...* [What Konda remembers...]. Mezhdurechenskij: Mezhdurechenskaja tip. Publ., 2014. 272 p.
30. Vasilyeva A. M. *Zabytyj Kurgan* [Forgotten Kurgan]. Kurgan: Zauralye Publ., 1997. 359 p.
31. Paustovskiy K. G. *Povest' o zhizni. Kn. 1. Dalekie gody. Bespokojnaja junost'* [The story of the life. Book 1. Early years. Turbulent youth]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1962. 525 p.
32. Valihanov Ch.Ch. *Sobr. Soch. v 5 t.* [Collected works in 4 volumes]. Alma-Ata: Glav. red. Kazahskoj sov. Jenciklopedii Publ., vol. 4. 1985. 460 p.